

Мурашко Стелла Дмитриевна

Стелла Дмитриевна Мурашко (1903— ?) — советский врач, главный врач городской больницы Сталиногорска в 1941—1942 годах. С приближением немецких войск осталась в покинутом советскими войсками городе и с целью спасения раненых красноармейцев возглавила созданный при немцах отдел здравоохранения городской управы. Тем самым было спасено по разным оценкам от 128 до 178 бойцов и командиров Красной армии.

После освобождения Сталиногорска арестована и приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 декабря 1945 года это решение было отменено, а дело производством прекращено.

Биография

Родилась в 1903 году в селе Покровское Херсонской губернии, ныне город [Апостоново](#) Криворожского района Днепропетровской области Украины, в семье рабочего. Украинка^[1].

Направлена районным комитетом бедноты на рабфак^[1], окончила Харьковский медицинский институт^[12] (ныне [Харьковский национальный медицинский университет](#)). С 1941 года работала в городской больнице Сталиногорска. Вместе с мужем и дочерью проживали в г. Сталиногорск 1-й, 54 квартал, дом 13, кв. 36^[1].

В годы Великой Отечественной войны

С началом войны Стелла Дмитриевна вместе с другими медицинскими работниками осталась в городской больнице, заменив мобилизованных на фронт (всего мобилизовано 29 человек^[4]). Вместо ушедшего на фронт в составе [172-й стрелковой дивизии](#) хирурга [А. Ф. Тищенко](#) она была назначена главным врачом Сталиногорской городской больницы № 1.

В ноябре 1941 года в район Узловой, Донского и Сталиногорска переброшена с Дальнего Востока [239-я стрелковая дивизия](#) под командованием полковника [Г. О. Мартиросяна](#). 18 ноября немецкие войска 2-й танковой группы Г. Гудериана начали [генеральное наступление на Москву](#), развернулось ожесточенное сражение. Одной советской стрелковой дивизии пришлось выдерживать удары трех, а затем и четырех немецких дивизий. В результате в Сталиногорске и окрестностях находились до 800 раненых, помощь в эвакуации и лечении которых оказывали городские службы здравоохранения. Спустя 10 суток кровопролитного сражения основные силы сибирской и дальневосточной дивизии вырвались с боями из окружения на восток.

Сталиногорская операция 22-25 ноября 1941 года. Фрагмент военной карты 239-й стрелковой дивизии. После отхода с оборонительных позиций под Узловой... ►

Спасение раненых бойцов-сибиряков

По некоторым сведениям, в больницах Сталиногорска осталось до 400^[3] тяжелораненых нетранспортабельных бойцов и командиров 239-й стрелковой дивизии, защищавших город. Часть из них забрали к себе по домам местные жители, а 120 раненых находились в здании Сталиногорской городской больницы^[4]. Также раненые оставались в здании [школы № 13](#)^[5].

Главный врач городской больницы С. Д. Мурашко вместе с медицинским персоналом больницы осталась в покинутом советскими войсками городе для оказания помощи раненым красноармейцам. По сведениям С. Д. Мурашко, ей поступил такой приказ из горздравотдела^[6], однако по данным сталиногорского горотдела НКВД, она осталась по личной инициативе, несмотря на то, что ей как военнообязанной надлежало эвакуироваться из города, а не оставаться на территории, занятой противником^[1].

В то же время, с января 1942 года до августа 1943 года 4-й отдел Управления НКВД по Тульской области вел

подготовительные работы на случай неблагоприятного развития обстановки на фронте и нового вторжения немецких войск на территорию области. В связи с чем, в ряде городов, в том числе, в Сталиногорске, в районах угольной промышленности, где могли быть расквартированы немецкие части, комендатуры и гарнизоны РОА, был завербован 41 человек специальной агентуры. В частности, в Сталиногорске для этих целей создана медицинская резидентура во главе с главным врачом городской больницы и другими врачами^[7]. Поэтому не исключено, что подобные мероприятия 4-й отдел Управления НКВД по Тульской области мог проводить в Сталиногорске и летом-осенью 1941 года.

Перед немецкой оккупацией Сталиногорска С. Д. Мурашко лично собирала всех комсомольцев больницы, проводила с ними беседу об их поведении на случай вторжения врага^[1].

В дни боев непосредственно за Сталиногорск 22-25 ноября 1941 года и первые дни немецкой оккупации города ей пришлось столкнуться с отказом части медицинского и обслуживающего персонала работать в больнице. Лишь позднее, по приказу немецких властей, все снова вышли на работу. «Все, за исключением 6-8 человек, движимые страхом, а некоторые возможно из-за легкой поживы, оставили свой пост, бросив без всякой помощи и надзора на верную смерть от морозов и голода тяжело раненых наших красных бойцов, наших защитников... Они явились на работу действительно по приказу немцев, а не по чувству долга»^[1].

23 и 24 ноября С. Д. Мурашко обращалась в штаб 239-й стрелковой дивизии, защищавшей Сталиногорск, с просьбой помочь эвакуировать раненых. Дважды в больницу приходил капитан, но помощь оказать не смог, так как не прибыл автотранспорт^[1]. Действительно, 24 ноября тылы советской дивизии были отрезаны немецкими войсками, замкнувшими кольцо окружения.

После оккупации города немецкие власти не считали себя обязанными обеспечивать советских раненых. В частности, с этой целью, по **воспоминаниям И. В. Парамонова**, управляющего трестом «Сталиногорскшахтстрой», которого в последний момент успели эвакуировать из больницы на восток, из оставленных вместе с ним в больнице 23 тяжелораненых красноармейцев 22 были расстреляны^[10].

27 ноября С. Д. Мурашко осталась в больнице совершенно одна, приняла и оказала помощь группе раненых бойцов (около 30 человек), раздетых немцами, поступивших с обморожениями. 28 ноября также одна принимала с Ширинского совхоза раздетых, обмороженных бойцов. Только с помощью небольшой группы медработников ей удалось сохранить жизнь, спасти от голода и обморожения раненых красноармейцев^[1].

Оборонительные позиции немецкой 112-й пехотной дивизии в Сталиногорске, не позднее 11 декабря 1941 года: штаб – г. Узловая; 120-й разведывательный ...

Солдаты 167-й пехотной дивизии вермахта берут в плен бойцов сибирской и дальневосточной 239-й стрелковой дивизии под Сталиногорском, конец ноября 1941 года. На заднем плане видна железнодорожная насыпь. Немецкое фото

С. Д. Мурашко обеспечивала для раненых ежедневное одноразовое питание. Во время боев за город население отсиживалось по бомбоубежищам и не могло помогать с уходом за ранеными и питанием. В дальнейшем, 6 декабря 1941 года, она обращалась с просьбой к начальнику полиции Левашову, чтобы выделить часть из отобранных у населения продуктов питания для больных. Однако Левашов отказал ей в резкой форме^[1]. Поэтому, несмотря на то, что около больницы был установлен немецкий пост, пищу для раненых в тайне готовили на квартире главного врача больницы С. Д. Мурашко и на салазках доставляли в больницу^[4].

Кроме того, С. Д. Мурашко вынуждена была пресекать воровство сотрудниками имущества больницы. «Часто сотрудники больницы, не стесняясь присутствия полицейских, спорили, упрекая друг друга в грабеже больницы, откровенно называя имена, среди которых чаще упоминалось имя Старковой с перечислением богатой добычи, вывезенной на двух подводах». В квартире медсестры Е. И. Старковой и еще одной сотрудницы больницы полицейские провели обыск, обнаружив при этом часть украденных вещей. После чего начальник полиции Левашов предупредил С. Д. Мурашко, чтобы возвращаемое работниками больницы и населением имущество не принимать, а направлять в полицию. В противном случае, «в назидание населению виновные будут повешены, и первая Старкова», а «укрыватели грабителей разделят их суровую участь»^[1]. Стелла Дмитриевна предупредила своих сотрудников о грозящей опасности, а медсестру Е. И. Старкову срочно отпустила домой. Проинструктировав завхоза о приеме вещей, она добилась тайного возвращения части украденного в городскую больницу, несмотря на угрозы начальника полиции^[1].

Высотное здание «под вышкой» (радио-дом) на современной улице Комсомольская, Сталиногорск, декабрь 1941 года. Немецкое фото. В период временной немецкой оккупации города здесь располагались немецкая военная комендатура и городская управа Сталиногорска-1. Перед домом видны припаркованные легковые и грузовые машины и фигуры немецких солдат. Источник

С целью спасения раненых защитников города С. Д. Мурашко возглавила созданный при немцах отдел здравоохранения городской управы^{[1][8]}. Тем самым было спасено, по ее оценке, от 128^[6] до 178^[1] бойцов и командиров Красной армии.

Кроме того, чтобы спасти от холода, взяла к себе домой из больницы двух безродных мальчиков, которые жили у нее до конца декабря^[1].

В ночь с 12 на 13 декабря 1941 года при отступлении немецкие войска подожгли городскую больницу. Однако под руководством С. Д. Мурашко все имущество больницы было спасено. От пожара спасен 15-й корпус больницы. С помощью местных жителей она вынесла весь хирургический инструментарий, физиотерапевтическую аппаратуру, перевязочные материалы и медикаменты. От пожара не пострадал ни один раненый **239-й стрелковой дивизии**, все своевременно были вынесены с помощью населения^[1]. По **воспоминаниям** бывших рабочих теплоцентрали химкомбината, которые проживали в соседнем с больницей квартале № 61, «выносили раненых на матрацах — бередили раны. Стоны, крик... Вначале в коридор, в вестибюль, потом — на улицу. Где-то нашли сани и начали развозить раненых по домам. Всего из больницы вынесли 73 человека. Солдат, который приполз с сообщением о пожаре, проживал до полного выздоровления в доме № 11. Был он уроженец Омской области и по паспорту значился **Георгием Дмитриевым**»^[11].

После освобождения Сталиногорска

По словам С. Д. Мурашко, старыми запасами медикаментов и перевязочного материала городская больница была обеспечена до конца января 1942 года. Силами врачей и части медсестер на салазках, без транспорта все имущество больницы было перевезено в другое здание^[1].

15 декабря главный врач С. Д. Мурашко распорядилась открыть инфекционное отделение в одном из домиков рядом с железнодорожным переездом (квартал 131), так как в городе возникла угроза эпидемии сыпного тифа. Оборудовали здание и разместили в нем шестнадцать коек — палата для больных брюшным тифом^[11]. Всего же

инфекционные палаты были открыты в трех концах города, которые она обслуживала одна^[1].

18 декабря городская больница возобновила свою работу в новом здании. В январе 1942 года оставшиеся 167 раненых бойцов 239-й стрелковой дивизии в удовлетворительном состоянии были эвакуированы в тульские госпитали на ул. Обороны (начальник госпиталя Сперанский), и на ул. Пушкинскую (доктор Познанский)^[1].

4 января 1942 года исполком Сталиногорского горсовета депутатов трудящихся на своем первом заседании после освобождения города постановил разместить городскую больницу в здании химтехникума и обязал главного врача С. Д. Мурашко закончить восстановление этого здания к 15 января, где организовать клиничко-бактериологическую лабораторию и оборудовать дезинфекционную камеру^[9]. Однако полусгоревшее здание химтехникума удалось приспособить под больницу лишь к середине марта 1942 года. В нем была развернута больница на 300 чел. с двумя операционными, физиотерапевтическим кабинетом и клинической лабораторией^[1].

В газетной заметке в «Сталиногорской правде» от 18 апреля 1942 года главврач Стелла Дмитриевна Мурашко опубликовала подробности подвига своих врачей в оккупированном городе. В частности, она особо подчеркивал мужество и хладнокровие своего главного хирурга — **Марии Павловны Малышевой**. Еще в дни боев за город 22-25 ноября 1941 года М. П. Малышева сутками работая за операционным столом, спасла жизнь не одному советскому бойцу. Особенно она отмечала случай, когда один боец поступил к больницу с тяжелым осколочным ранением под лопатку и у него был задет крупный кровеносный сосуд: «Мария Павловна, идя на риск, взялась за операцию. Осколок был извлечен. Началось угрожающее жизни кровотечение. Хирург не растерялся, умело остановил тампонадой кровотечение. Доктор Легкова очень удачно сделала переливание крови. Боец выздоровел с полным сохранением трудоспособности». С. Д. Мурашко подчеркивала, что подобные случаи были не единичны — Мария Павловна по-прежнему работала самоотверженно^[6].

В операционной больницы Соцгорода (Сталиногорск-1), 1939 год.

*Вторая слева — хирург **Мария Малышева**.*

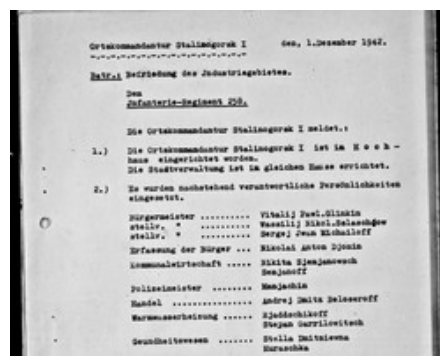
*Из экспозиции **Новомосковского историко-художественного музея**.*

Через неделю после публикации в газете, 26 апреля 1942 года, Сталиногорским горотделом Управления НКВД по Тульской области «за предательскую деятельность арестована и привлечена к уголовной ответственности Мурашко Стелла Дмитриевна». Ее заключили в тюрьму г. Венёва^[1]. В тот же день по тому же обвинению арестован ее муж и помещен под стражу в тюрьму № 1 Тулы^[2].

Следователь **Сталиногорского горотдела НКВД** младший лейтенант государственной безопасности Н. И. Кожакин столкнулся с беспрецедентным по сложности делом: были допрошены 23 свидетеля, проведены три очные ставки с обвиняемой, а к делу приобщены выявленные документы. Срок следствия многократно переносился, т.к. «в процессе следствия по делу вскрыт ряд обстоятельств, требующих дополнительного расследования и проверки фактов предательской деятельности Мурашко»^[1].

Стелла Мурашко обвинялась в том, что являясь военнообязанной, перед оккупацией Сталиногорска не эвакуировалась, а сознательно осталась на территории, занятой врагом. В период временной оккупации Сталиногорска немецкими войсками добровольно пошла на службу к оккупантам и работала заведующей отделом здравоохранения управы. Будучи заведующей отделом здравоохранения управы, по указанию немецкого командования и бургомистра Глинкина восстанавливала в городе предприятия здравоохранения, организовала ремонт больницы и поликлиники, находила работу горсанинспекции. Привлекала к работе медперсонал, ранее работавший в органах здравоохранения, напоминая при этом последним приказ немецкого командования о возвращении всех граждан к прежнему месту работу^[1].

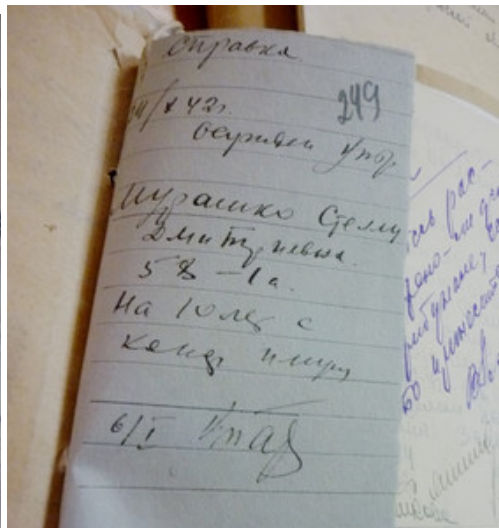
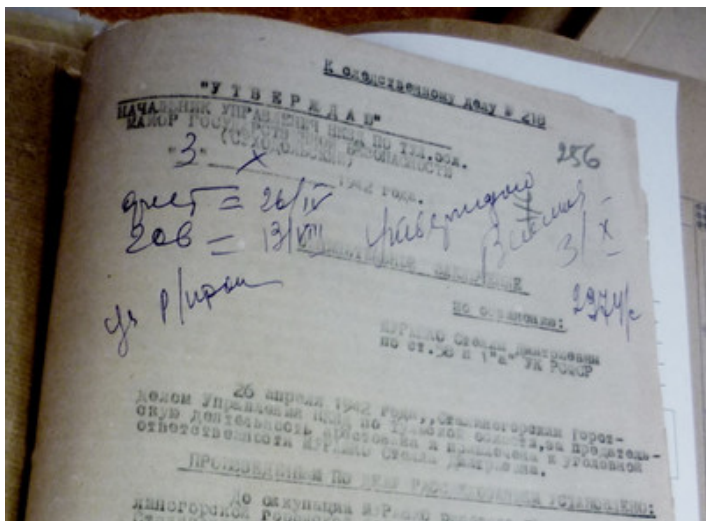
При этом факт службы заведующей отделом здравоохранения управы С. Д. Мурашко категорически отрицала, утверждая, что посещала управу и немецкую комендатуру в связи с необходимостью по обеспечению больницы, где лечились раненые красноармейцы. Виновной признала себя лишь в том, что предупреждала работников больницы о том, что приказ немецкого командования требует от них выхода на работу и соблюдения трудовой дисциплины^[1]. Однако согласно **донесению немецкой военной комендатуры Сталиногорска-1**, который по объективным причинам был недоступен сталиногорским следователем в 1942 году, Стелла Дмитриевна Мурашко действительно занимала должность заведующей отделом здравоохранения городской управы в период временной немецкой оккупации^[8].

Фрагмент немецкого донесения

Также она обвинялась в том, что занималась организацией частной практики врачей и частной поликлиники, когда стало известно, что немецкое командование не будет оплачивать работу медицинского персонала больницы. По запискам из немецкой комендатуры и управы отпускала из городской больницы постельное и нательное белье, кровати, матрацы и другое имущество немецким оккупантам. Кроме того, после освобождения Сталиногорска, продолжая работать главным врачом горбольницы, не выдерживала сроки госпитализации тифозных больных, чем способствовала распространению инфекционных заболеваний среди населения^[1].

Однако самое тяжелое обвинение ей было предъявлено в предательстве врагу членов ВКП(б) и комсомольцев. Согласно свидетельских показаний, она передала в управу список работников городской больницы с указанием партийности. Тем самым, закрыло следствие, в общем итоге «Мурашко своими действиями изменила Родине — перешла на службу к врагу»^[1].

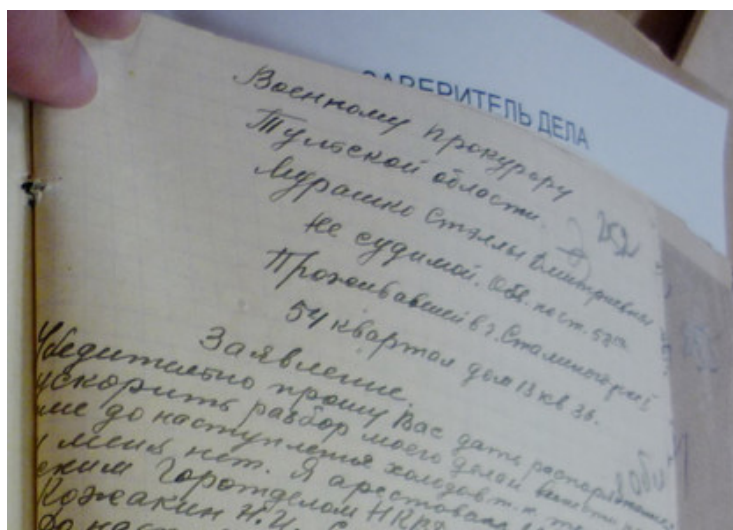

1) Фрагмент обвинительного заключения по обвинению Мурашко Стеллы Дмитриевны по ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР, 3 октября 1942 года;

2) Справка на осужденную Стеллу Дмитриевну Мурашко, 24 октября 1942.

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, лл. 249-259. Документы предоставлены С. Митрофановым

В сентябре 1942 года содержащаяся в тюрьме г. Венёва Стелла Мурашко в заявлении военному прокурору Тульской области писала: «В предъявляемых обвинениях я считаю себя совершенно невиновной, а обвинения не обоснованными... Если формально моя виновность доказана и освободить меня из заключения нельзя, убедительно прошу вынесите мне заочное решение и дайте высшую меру наказания. Один раз лучше умереть, чем дальше годами страдать»^[1]. Она обращала внимание, что самое тяжелое обвинение против нее в предательстве коммунистов и комсомольцев базируется в основном на показаниях санитарки горбольницы Е. И. Старковой, однако самого документа в распоряжении следствия нет. В свою очередь, Е. И. Старкова имела явный мотив для дискредитации С. Д. Мурашко, так как занималась воровством имущества больницы и за это чуть не была сурово наказана немецкими властями. Не были допрошены другие ключевые свидетели, а обвинения, по мнению С. Д. Мурашко, построены на неопределенных слухах и женских разговорах^[1].

Фрагмент заявления С. Д. Мурашко военному прокурору Тульской области, 12 сентября 1942 года.

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, лл. 249-259. Документы предоставлены С. Митрофановым

3 октября 1942 года следственное дело по обвинению Стеллы Дмитриевны Мурашко по статье 58 п. 1 «а» УК РСФСР было направлено через прокурора Московского военного округа на рассмотрение военного трибунала войск НКВД по Тульской области. На судебное заседание были вызваны 25 человек из числа сотрудников

городской больницы и свидетелей. 24 октября 1942 года С. Д. Мурашко была осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества^[1].

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 декабря 1945 года это решение было отменено, а дело производством прекращено^[12].

Дальнейшая судьба неизвестна.

Семья

Муж – Иван Тарасович Мурашко, родился в 1897 году в том же самом селе Покровское, что и Стелла Дмитриевна, в крестьянской семье^[2]. Окончил Харьковский геодезический институт^[12] (ныне [Харьковский государственный технический университет строительства и архитектуры](#)) , в Сталиногорске работал главным инженером горпромкомбината (по другим данным^[12] – начальником строительного отдела горпромкомбината). 26 апреля 1942 года арестован и содержался под стражей в тюрьме № 1 Тулы. Обвинялся в том, что сознательно остался на территории, оккупированной вражескими войсками, добровольно поступил на службу к немецким захватчикам, работал главным инженером по восстановлению промышленных предприятий г. Сталиногорска. Его следственное дело было направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР с применением к Ивану Мурашко расстрела с конфискацией лично принадлежащего имущества. Однако 28 ноября 1942 года высшая мера наказания была заменена на 8 лет исправительно-трудовых лагерей^[2]. Дальнейшая судьба неизвестна. Постановлением президиума Тульского областного суда от 29 июля 1957 года это решение отменено, а дело производством прекращено^[12].

В их семье родилась и выросла дочь, в 1942 году ей было 11 лет^[1].

[1] ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72. Дело № 58. Надзорные производства по делам о государственных преступлениях (с фамилией на букву «М») за 1942 год. ЛЛ. 249-259. [Мурашко Стелла Дмитриевна](#).

[2] ГАТО. Ф. 3484. Оп. 3. Д. 72. Л. 16-16-а. [Мурашко Иван Тарасович](#)

[3] [Дорогой юбилярше!](#) // Новомосковская правда. – 1988. – 20 января.

[4] [Опочинов А. Двадцать дней в жизни хирурга](#) // Новомосковская правда. – 1982. – 8 января.

[5] [Записи из интервью с Кривовязом](#) / из архива клуба «Поиск» Дворца Пионеров (руководитель – Виктор Степанович Малахов). Предоставлено С. Е. Слабиковым, сканирование: Татьяна Соколова, расшифровка: Александр Яковлев // «Сталиногорск 1941», апрель 2022.

[6] [Мурашко С. Чем мы помогли фронту. Боремся за жизнь человека](#) // Сталиногорская правда. – 1942. – 10 апреля.

[7] Докладная записка начальника отдела УНКГБ по Тульской области подполковника Н.И. Соколова о работе 4-го отдела УНКГБ за период с августа 1941 по январь 1944 г. 14 августа 1945 г. // ФСБ России.

[8] NARA, T. 315, R. 1275: 112.I.D. Is., F. 1230-1233. [Отчет военной комендатуры Сталиногорска-1](#). Документ за 1 декабря 1941 года. Перевод на русский язык: А. Яковлев. «Сталиногорск 1941», май 2018.

[9] [Протокол № 1 заседания исполкома Сталиногорского горсовета депутатов трудящихся от 4 января 1942 года](#)

[10] [Парамонов И. В. Пути пройденные](#) / Издание 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1970. – С. 414–424. – 534 с.

[11] [Озерский Н. Из нашей биографии](#) // Новомосковская правда, 1977 год.

[12] Ответ Управления ФСБ России по Тульской области № К-667/2 от 02.08.2022.

Справки на обвиняемую Мурашко Стеллу Дмитриевну

Справка

24 октября 1942

осужден

Мурашко Стелла Дмитриевна

58-1а

на 10 лет с конфискацией имущества

Справка

на обвиняемую Мурашко С. Д. по специальному отделу не проходила.

1 сентября 1942

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, лл. 249-250.

Документы предоставлены С. Митрофановым.

Заявление Мурашко Стеллы Дмитриевны

Военному прокурору Тульской области

Мурашко Стеллы Дмитриевны

не судимой, обв. по ст. 58 а

проживавшей в г. Сталиногорск, 54 квартал, дом. 13, кв. 36.

заявление.

Убедительно прошу Вас дать распоряжение ускорить разбор моего дела и вынести решение до наступления холодов, т.к. теплых вещей у меня нет. Я арестована 26 апреля Сталиногорским горотделом НКВД. Следствие вел сержант **Кожакин Н. И.** Следствие закончено 12 августа 1942 года. До настоящего момента я не знаю, за кем я числюсь. По словам следователя и следственному материалу ясно, что мне предъявляются очень тяжелые обвинения:

1. Предательство врагам членов партии и комсомольцев.
2. Организация медицинской помощи немцам, восстановление медицинских учреждений и работы скорой помощи.
3. Назначение меня на должность завгорздравотделом и др.

В предъявляемых обвинениях я считаю себя совершенно невиновной, а обвинения не обоснованными. До сих пор я думала, что советскому следователю и правосудию жертвы не нужны, что следствие ведется строго объективно, сурово караются действительно только изменники Родины, враги народа. По ходу моего следствия я невольно делаю вывод, что против меня умышленно создано дело так, чтобы уничтожить меня как человека и как специально лишить меня свободы, всех гражданских прав, оторвав от любимого дела, которому я отдала многие годы своей жизни и была неплохим работником, об этом свидетельствует постепенный [...]мой в работе.

Поэтому мне необходимо заявить Вам, что следствие велось долго 3,5 месяца, но недостаточно глубоко и объективно, многие моменты и свидетельские показания, говорящие в мою пользу, совершенно не фиксировались, как не имеющие значения. Свидетели допрашивались односторонне, т.е. фиксировались показания, только компрометирующие меня. Во всем следственном материале умышленно не отмечено ни одного факта, говорящего в мою пользу, а также факты, который проявлялись особенно часто при очных ставках. В большинстве были допрошены свидетели, явившиеся на работу после опубликования приказа немецкого командования о выходе на работу по своим местам. Но самый ответственный момент был в дни боев за город

22-25 ноября и первые дни немецкой оккупации города, до опубликования немецкого приказа. Когда все, за исключением 6-8 человек, движимые страхом, а некоторые возможно из-за легкой поживы, оставили свой пост, бросив без всякой помощи и надзора на верную смерть от морозов и голода тяжело раненых наших красных бойцов, наших защитников. Я считаю, что все эти дезертиры труда являются до большей степени преступниками, чем я, оставшаяся до конца на своем посту. Они явились на работу действительно по приказу немцев, а не по чувству долга, и на их показаниях базируется столь тяжелое обвинение против меня. Сотрудники, работавшие вместе со мной и до конца, живые свидетели моей работы не допрошены, а допрошенные по моей настоятельной просьбе медсестры **Горовинова** и **Ширшова** были настолько запуганы, что были не в состоянии отвечать вообще на вопросы.

Самое тяжелое обвинение против меня - предательство членов партии и комсомольцев, базируется в основном на показаниях санитарки горбольницы **Старковой Е.** Чтобы усугубить вину мою последняя фигурирует как комсомолка. Перед немецкой оккупацией нашего города я собирала всех комсомольцев больницы, проводила с ними беседу о их поведении на случай вторжения врага. Среди комсомольцев Старковой не было и когда вплоть до ареста я не слышала, что Старкова комсомолка.

Городской управой и немецким командованием в горбольнице был установлен постоянный контроль - патрулировали два полицейских и два немецких солдата. Часто сотрудники больницы, не стесняясь присутствия полицейских, спорили, упрекая друг друга в грабеже больницы, откровенно называя имена, среди которых чаще упоминалось имя Старковой с перечислением богатой добычи, вывезенной на двух подводах. Может быть это послужило поводом к обыску Старковой, я не знаю. При обыске полицейский [...] сказал, что я подала список на работников больницы, и назвал еще м/с **Феоктистову**, у которой также будет сделан обыск. Кроме Старковой никто больше из работников больницы не пострадал ни в какой мере. В следственном материале имеется показание з/к [заключенного] б[ывшего] полицейского **Вагина** о якобы поданном мной списке работников, грабивших больницу, б[вышему] начполиции **Левашову**. Для предъявления мне столь тяжелого обвинения совершенно недостаточно голословного утверждения б[ывших] полицейских о каком-то несуществующем списке, которого никто не видел и ничего конкретного сказать не может. Поэтому я настоятельно просила моего следователя дать очную ставку с Вагиным, которого я совершенно не знаю, и с Левашовым. Оба находятся в Сталиногорском КПЗ. О моем поведении в полиции могут дать показания врач **Малышева** и **Васильев**.

В начале дня 6 декабря [1941 года] я обратилась с просьбой к б[ывшему] начполиции Левашову выделить часть из отобранных у населения продуктов питания для больных, в чем мне Левашов отказал в резкой форме. Это дало повод присутствующим здесь полицейским наброситься на меня с угрозами по поводу грабежа больницы. Левашов предупредил меня, чтобы все возвращаемое работниками больницы и населением не принимать, а направлять в полицию, в противном случае укрыватели грабителей разделят их суровую участь. Заявил еще, что у Старковой сделан обыск, обнаружены казенные вещи, будет еще более тщательный обыск у Старковой и у сотрудников и при обнаружении хоть нитки казенного в назидание населению виновные будут повешены, и первая Старкова. Я спешно вернулась в больницу и по товарищески предупредила о грозящей опасности сотрудников, кого в ссорах чаще упоминали. Старкову срочно отпустила домой, передав ей угрозу Левашова. С/хоз. **Астахову** проинструктировала о приеме вещей. Предложение сотрудникам было сделано только с целью предотвратить угрожающую опасность.

Второй раз в полиции я была в этот же день в конце рабочего дня, с врачом **Малышевой**. Просила в провожатые полицейского привезти картофель с подсобного хозяйства. В просьбе Левашов отказал, заявив, что все равно немцы отберут картофель с полицейским и без него. В это время Левашову стало известно о возвращении в больницу вещей и в присутствии **Малышевой** Левашов сделал мне угрожающее предупреждение не нарушать его распоряжений. Здесь был член партии, директор подсобного хозяйства больницы **Васильев**, окруженный полицейскими, обратился ко мне с просьбой о помощи. С готовностью, рискуя возможно своей свободой, твердо заявила Левашову о невиновности **Васильева**, чем избавила его от возможных пыток, а может быть и смерти. Он был отпущен и вышел вместе с нами. У здания управы, поговорив немного, **Васильев** ушел домой, а я с доктором **Малышевой** обменивались впечатлениями произошедшей встречи. В это время на санях подъезжал зав[??] **Киселев** с немецким офицером, увидев **Васильева**, **Киселев** что-то оживленно заговорил, показывая в сторону прошедшего **Васильева**. Подъехавший офицер спросил меня, правда ли **Киселев** сказал, что **Васильев** коммунист, партизан, организатор грабежа больницы. Второй раз в присутствии врача **Малышевой** без колебаний я выступила в защиту члена партии. Я не предатель и нет никаких данных обвинять меня в этом.

При объективном анализе следственного материала, в отношении остальных пунктов обвинения, моя невиновность будет совершенно очевидной. В свидетельских показаниях события перепутаны, факты искажены и приспособлены сообразно требованиям момента. Многие свидетели, несмотря на горячее желание ни чего

конкретного сказать не могли о моем назначении завгорздравотделом и пр. Даже секретарь Саратова, которые безусловно знала бы. Все эти обвинения построены на неопределенных слухах и женских разговорах. Обвиняя, следователь не счел нужным допросить всех врачей, а их всего пять.

Прошу Вас учесть, что мной было сделано все, что можно было для облегчения исключительно тяжелого положения оставшихся и вновь поступающих наших раненых. 23 и 24 ноября я обращалась в штаб сибирской части, защищающей наш город, с просьбой помочь эвакуировать раненых. По моей просьбе дважды в больницу приходил капитан этой части, помощь оказать не смог, не прибыл автотранспорт. Раненых я не оставляла ни на один день, несмотря ни на какие бои и перестрелку. 27 ноября в больнице я была совершенно одна, приняла и оказала помощь группе раненых бойцов около 30 человек, раздетых немцами, поступивших с обморожениями. 28 ноября также одна принимала с Ширинского с/х раздетых, обмороженных. Только моими работами, с помощью небольшой группы работников, удалось сохранить жизнь, спасти от голода и обморожения наших раненых. Одноразовое питание ежедневно обеспечивала я. Утверждение следователя и некоторых свидетелей, что уход за ранеными и питание их выполняло население, несерьезно, не выдерживает никакой критики. Во время боев население отсиживалось по бомбоубежищам.

В управу ходила только за питанием для наших раненых и по настоянию наших работников, особенно предместкома **Фатуевой**. При немцах, чтобы спасти от холода, взяла к себе из больницы двух безродных мальчиков, которые жили у меня до конца декабря.

Несмотря на грабеж немецких бандитов и на поджог больницы в день отступления немцев, все имущество больницы было спасено. Я одна с помощью гр. **Проскурина** вынесла весь хирургический инструментарий, физиотерапевтическую аппаратуру, перевязочные материалы и медикаменты. От пожара не пострадал ни один раненый, все своевременно были вынесены с помощью населения. Без помощи пожарников от пожара спасен пятнадцатый корпус больницы. Старыми запасами медикаментов и перевязочного материала больница была обеспечена до конца января [1942 года]. Силами врачей и части м/с на салазках, без транспорта все имущество больницы было перевезено в другое здание, первая повезла салазки. На шестой день больница возобновила свою работу в новом здании. В январе [1942 года] оставшихся ноябрьских раненых 167 чел. в удовлетворительном состоянии эвакуировали в тульские госпитали на ул. Обороны, нач. госп. **Сперанский**, и на Пушкинскую, [где] принимал доктор **Познанский**. Моими стараниями полусгоревшее здание химтехникума было приспособлено под больницу. К середине марта [1942 года] была развернута больница на 300 чел. с двумя операционными, отвечавшим требованиям медицины, с прекрасно оборудованным физиотерапевтическим кабинетом, клинической лабораторией в полном оснащении. Когда возникла в январе месяце угроза эпидемии сыпняка [сыпной тиф], я открыла инфекционные палаты в трех концах города и обслуживала их одна. Как-то даже клеветники мои не могут отрицать, что всегда не жалела себя, напрягая последние силы, я работала, стараясь быть полезной Родине.

Я врач, выращенный Советской властью, будучи замужем, и послана районным комитетом бедноты на рабфак, никогда не забываю, что своим существованием я обязана Советской власти, я работала так, что совесть моя чиста, честно выполняла долг советского врача. Прошу Вас вернуть мне свободу, дать возможность на передовых позициях доказать свою любовь к нашей великой Родине, свою преданность Советской власти.

Если формально моя виновность доказана и освободить меня из заключения нельзя, убедительно прошу вынесите мне заочное решение и дайте высшую меру наказания. Один раз лучше умереть, чем дальше годами страдать.

(подпись) **Мурашко**
12 сентября 1942 г.

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, лл. 252-255.
Документ предоставлен С. Митрофановым.

Постановление о продлении срока ведения следствия по делу № 218

Утверждаю
Нач. Сталиногорского ГО НКВД

капитан государственной безопасности
(Михайлов)

25 июня 1942 года

Постановление

(о продлении срока ведения следствия по делу № 218)

Гор. Сталиногорск, 1942 года, июня месяца 25 дня, я, следователь Сталиногорского горотдела НКВД ТО, мл. лейтенант госуд[арственной] безопасности Кожакин, рассмотрев следственное дело № 218 по обвинению Мурашко Стеллы Дмитриевны по ст. 58 п.1-а УК РСФСР

нашел:

20 апреля 1942 года Сталиногорским горотделом НКВД была арестована и привлечена к уголовной ответственности как изменница Родины Мурашко Стелла Дмитриевна.

В процессе следствия по делу вскрыт ряд обстоятельств, требующих дополнительного расследования и проверки фактов предательской деятельности Мурашко, но принимая во внимание, что срок ведения следствия по делу заканчивается 26 июня, поэтому руководствуясь ст. 116 УПК РСФСР

постановил:

Для полноты расследования предательской деятельности Мурашко С. Д. пойти с ходатайством перед военным прокурором г. Сталиногорска о продлении срока ведения следствия по делу № 218 на один месяц, т.е. с 26 июня по 26 июля 1942 года.

Следователь Сталиногорского горотдела НКВД
мл. лейтенант государственной безопасности
(Кожакин)

Согласен: начальник отделения горотдела НКВД
мл. лейтенант государственной безопасности
(Косинов)

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, л. 256.
Документ предоставлен С. Митрофановым.

Обвинительное заключение к следственному делу № 218

К следственному делу № 218

утверждаю

Начальник управления НКВД по Тул. обл.
майор государственной безопасности
(Суходольский)

3 октября 1942 года

Обвинительное заключение

по обвинению:

Мурашко Стеллы Дмитриевны
по ст. 58 п. 1"а" УК РСФСР

26 апреля 1942 года Сталиногорским горотделом Управления НКВД по Тульской области за предательскую деятельность арестована и привлечена к уголовной ответственности Мурашко Стелла Дмитриевна.

Проведенным по делу расследование установлено:

До оккупации Мурашко Стелла Дмитриевна работала гл. врачом Сталиногорской городской больницы. Перед оккупацией гор. Сталиногорска Мурашко не эвакуировалась, а сознательно осталась на территории, занятой

врагом. Находясь в гор. Сталиногорске, временно оккупированном немецко-фашистскими войсками, явилась в гор. управу и изъявила свое желание поступить на службу в управу как врач. Вскоре после этого бургомистр Глинкин назначил Мурашко на должность заведующего отделом здравоохранения управы, и работала в этой должности с 29 ноября по 12 декабря 1941 года, т.е. по день освобождения гор. Сталиногорска от оккупантов (л.д. [...]).

Будучи заведующей отделом здравоохранения управы по заданию немецкого командования и бургомистра Мурашко занималась восстановлением учреждений здравоохранения, организовала ремонт больницы и поликлиники, организовала работу горсанинспекции, привлекла к работе ранее работавших в органах здравоохранения медицинский и обслуживающий персонал, напоминая при этом последним приказ немецкого командования о возвращении всех граждан к прежнему месту работу (л.д. [...]).

Когда стало известно, что немецкое командование не будет производить оплату за работу врачам и мед. персоналу, работавшему в больнице и поликлинике, Мурашко по предложению управы занялась организацией частой поликлиники и частной врачебной практики на дому. Для этой цели она собрала специальное совещание врачей, где обсуждался вопрос о методах индивидуальной работы и о помещении для поликлиники (л.д. [...]), выдавала постельное и нательное белье, кровати, матрацы и другое имущество Сталиногорской больницы по запискам из немецкой комендатуры и управы (л.д. [...]).

Свою связь с управой Мурашко использовала и в предательских целях - составила и передала в полицию список работников больницы с указанием партийности (л.д. [...]).

После изгнания немецких оккупантов из гор. Сталиногорска Мурашко, работая гл. врачом больницы, не выдерживала сроки госпитализации тифознобольных, чем способствовала распространению инфекции среди населения гор. Сталиногорска (л.д. [...]).

Допрошенная в качестве обвиняемой, Мурашко виновной признала себя лишь в том, что она предупреждала работников больницы о том, что приказ немецкого командования требует от них выхода на работу и соблюдения трудовой дисциплины. Другие факты преступлений, указанные выше, отрицает и виновной себя в их совершении не признала и показала, что заведующей отделом здравоохранения управы не назначалась и не работала, а посещала управу и немецкую комендатуру в связи с необходимостью по обеспечению больницы, где лечились раненые красноармейцы (л.д. 15-22).

Однако в совершенных ей преступлениях, указанных выше. обв. Мурашко изобличается показаниями свидетелей: Торон И. В., Вагина А. В., Ершова И. Г., Киселева Т. Я., Васильева П. Е., Спажкова Ч. Г., Швычкова Е. П., Сатановская В. Е., Старкова Е. И., Саратова Н. С., Петрова Ф. В., Панина К. М., Мокрова-Усова Г. М., Фатуев А. А., Астахова А. Е., Панова М. И., Малышева М. П., Сухорукова А. И., Барышникова А. А., Цыганова П. Е., Черносятова А. И., Мурашко М. Ш., Глинкина М. И. (л.д. 33-106), очными ставками со свидетелями Саратовой Н., Сагановской В., Цыгановым П. (л.д. 111-117) и приобщенными к делу документами (л.д. 122-133).

На основании изложенного обвиняется:

Мурашко Стелла Дмитриевна, 1903 года рождения, уроженка с. Покровское Апостольского района Днепропетровской области, гражданка СССР, украинка, беспартийная, не судима, имеет высшее медицинское образование, происходит из семьи рабочего, замужняя, имеет дочь 11 л., муж арестован как изменник Родины, из родственников в РККА никого нет, работала гл. врачом гор. больницы, проживала г. Сталиногорск 1-й, 54 квартал, дом 13, кв. 36, к физическому труду годна.

в том, что являясь военнообязанной, перед оккупацией гор. Сталиногорска не эвакуировалась, а сознательно осталась на территории, занятой врагом. В период временной оккупации гор. Сталиногорска немецкими войсками добровольно пошла на службу к оккупантам и работала зав. отделом здравоохранения управы. Будучи заведующей отделом здравоохранения управы, по указанию немецкого командования и бургомистра восстанавливала в городе предприятия здравоохранения, организовала ремонт больницы и поликлиники, находила работу горсанинспекции, привлекая к работе медперсонал, ранее работавший в органах здравоохранения, занималась организацией частной практики врачей и частной поликлиники. По запискам из немецкой комендатуры и управы отпускала из гор. больницы постельное и нательное белье, кровати, матрацы и другое имущество немецким оккупантам, передала в управу список работников гор. больницы с указанием партийности. Работая гл. врачом горбольницы после изгнания немцев из Сталиногорска не выдерживала сроки госпитализации тифознобольных, чем способствовала распространению инфекционных заболеваний среди населения. Мурашко своими действиями изменила Родине - перешла на службу к врагу, т.е. совершила преступление, предусмотренное ст. 58 п. 1"а" УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР

постановил:

Следственное дело № 128-42 по обвинению Мурашко Стеллы Дмитриевны по ст. 58 п. 1"а" УК РСФСР, через прокурора МВО направить на рассмотрение военного трибунала войск НКВД по Тульской области, с одновременным перечислением за ним обвиняемой.

Сотрудник КРО УНКВД по ТО
мл. лейтен. гос. безопасности (Воронков)

"СОГЛАСНЫ" Руководит. след. группы КРО
лейтенант гос. безопасности (Ногов)

Пом. нач. КРО НКВД по ТО
лейтенант гос. безопасн. (Ружников)

Справка: Мурашко С. Д. арестована 26 апреля 1942 года и содержится под стражей в Венёвской тюрьме. Личные документы обвиняемой приобщены к делу в отдельном пакете. Вещественных доказательств по делу нет.

Сотрудник КРО УНКВД по ТО
Мл. лейтен. гос. безопасности (Воронков)

Обвин. заключение составлено
2 октября 1942 г. в г. Туле.

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, л. 258.
Документ предоставлен С. Митрофановым.

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

[на 25 чел.]

Сотрудник КРО УНКВД по ТО
Мл. лейтенант гос. безопасности (Воронков)

Источник: ГАТО, ф. 3484, оп. 3, д. 72, л. 259.
Документ предоставлен С. Митрофановым.

«С немецким командованием и немецкими специалистами Мурашко неоднократно выезжал на ГРЭС № 10»

26 апреля 1942 года Сталиногорским горотделом УНКВД по Тульской области был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР Иван **Мурашко**. Из составленного в сентябре 1942 года в Туле обвинительного заключения к следственному делу № 219-42:

«Мурашко перед оккупацией гор. Сталиногорска немецкими войсками не эвакуировался, а остался на территории, занятой врагом.

Находясь в гор. Сталиногорске, временно оккупированном немецко-фашистскими войсками, Мурашко добровольно пошел на службу к фашистским властям и работал при городской управе в должности главного инженера по восстановлению промышленных предприятий гор. Сталиногорска, и работал в этой должности с 4 декабря по день освобождения от оккупантов г. Сталиногорска - 12/XII-41 года.

Являясь гл. инженером при городской управе, Мурашко привлекал специалистов на восстановление работ (правильно должно быть «на восстановительные работы» - С.М.), консультировал работников по восстановлению хозяйственных и мелких промышленных предприятий.

С немецким командованием и немецкими специалистами Мурашко неоднократно выезжал на ГРЭС № 10 для осмотра на предмет ее восстановления и пуска в эксплуатацию. О результатах поездки и осмотра докладывал немецкому командованию и делал свое заключение о состоянии ГРЭС № 10. Предлагал смонтировать в одном из зданий ГРЭС № 10 оставшуюся в исправности конденсационную турбину и паровые котлы ТЭЦ химкомбината - для быстрого получения электроэнергии.

Для беспрепятственного посещения промышленных предприятий г. Сталиногорска и беспрепятственного хождения по городу в неуточное время Мурашко получил от немецкого командования специальное удостоверение и нарукавную повязку «городской инженер» (ГАТО. Ф. 3484. Оп. 3. Д. 72. Л. 16-16-а).

Допрошенный Иван Мурашко отрицал, что он добровольно перешел работать к фашистским властям, и показал, что он дал согласие из-за боязни репрессий со стороны немецких властей. Отрицал он и то, что привлекал специалистов на восстановительные работы на предприятия, и то, что консультировал их по восстановлению хозяйственных и мелких промышленных предприятий.

«В преступной деятельности изобличается показаниями свидетелей: Семенова, Торона, Кузина, Хайковой, Репина, Солдатенкова и очными ставками со свидетелями Кузиным и Репиным», - говорится в обвинительном заключении.

Из материалов ГАТО следует, что Иван Тарасович Мурашко родился в 1897 году в селе Покровское Апостоловского района Днепропетровской области, из крестьян-бедняков, беспартийный, с высшим образованием, жена была арестована «за измену Родине», работал главным инженером Горпромкомбината в Сталиногорске, проживал в городе Сталиногорске. Содержался под стражей в тюрьме № 1 Тулы.

Следственное дело решили направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР, применив к обвиняемому расстрел с конфискацией лично принадлежащего имущества.

Как следует из материалов ГАТО, 28 ноября 1942 года Мурашко был приговорен к 8 годам. В списках реабилитированных не значится.

Подготовил С. Митрофанов.

По материалам ГАТО. Ф. 3484. Оп. 3. Д. 72. Л. 16-16-а